

Памяти старшего друга

Валентин Фёдорович Куропатенко был – как тяжело писать о нём в прошедшем времени! – одним из самых любимых и самых верных учеников моего отца, Николая Николаевич Яненко. Именно это сочетание характерно для Валентина Фёдоровича и Эвелины Степановны, его жены. Верность здесь понимается не только как следование заветам учителя, но и как неизменное тёплое внимание нему самому и членам его семьи. А это всегда очень важно и не всегда встречается.

Встречи вне научной тематики составляли основу моего общения с Валентином Фёдоровичем. Но я знаю о его выдающихся достижениях в математике и со слов отца, всегда сдержанного и корректного в оценках, и по участию в разных конференциях, и благодаря общению с учёными, не раз упоминавшими работы В.Ф. в своих статьях и докладах. Однако хочу рассказать о другом.

Первые мои воспоминания о Валентине Фёдоровиче, конечно, связаны с Уралом, где начиналась научная судьба молодых сотрудников ВНИИТФ (тогда – НИИ-1011).

Я увидела Куропатенок в группе молодых людей, талантливых, красивых, ярких и запомнившихся на всю жизнь.

Надо сразу сказать, что в этой компании и Валентин Фёдорович, и Эвелина Степановна держались – чисто внешне – как бы на втором плане. Но от них исходило ощущение теплоты и надёжности. И я в своём 9-летнем возрасте прекрасно понимала это.

Одной из отличительных черт тогдашней жизни был весёлый совместный отдых на природе. В нём мы, дети, могли принимать участие, в отличие от не менее весёлых домашних посиделок, к которым нас не допускали.

Эти встречи происходили потому, что все были молоды, заняты большим общим делом и находили много точек соприкосновения в повседневности. Отцу весной 1957-го, когда мы переехали на Урал, ещё не исполнилось 36-ти. Сотрудники по возрасту отставали от него лет на 10-15. Были, конечно, специалисты и постарше, но почему-то с ними наша семья пересекалась реже.

А с молодыми отец и мама делили всё – трудности быта, производственные проблемы, семейные радости и невзгоды. Общение было очень тесным и естественным образом продолжалось после работы – ведь все жили в одном подъезде одного дома, и как не зайти к старшему товарищу посоветоваться, если нужно всего лишь перейти площадку?

И у нас в квартире часто по будням (а в праздничные дни – обязательно) собиралась компания молодых, умных и шумных научных работников, которые без споров, кажется, не могли провести и пяти минут. Валентин Фёдорович среди них выделялся своей негромкостью – он выступал с бурными речами

реже других, спорил без ажитации, не острил беспрерывно, как делали некоторые, и не декламировал стихов. И всё-таки запоминался – и своей внешностью, и основательностью, и добротой. Это всё дети воспринимают очень остро и запоминают навсегда. Так что его присутствие в окружающей жизни было отмечено мною с самого начала уральских времён.

С течением времени домашних многолюдных встреч становилось меньше, потому что у всех возрастала занятость и на работе, и в семье. Но выходы на природу не прекращались, став обычаем для жителей Снежинска. Собирались большими компаниями, всё делали вместе. Не только накрывали стол и жарко дискутировали, но и много занимались спортом, даже зимой. Как раз один из зимних эпизодов мне запомнился в связи с Валентином Фёдоровичем.

На подходящей поляне в лесу прямо на притоптанном снегу играли в футбол. Это было очень забавно. Тогда настоящая спортивная экипировка встречалась нечасто, и все одевались как придётся, лишь бы не замёрзнуть. Обувались в пимы. Валентин Фёдорович тоже был в больших валенках, в тёплой толстой куртке, а на голове, поверх лыжной шапочки – ещё одна, розовая, детская, с острым верхом и длинными ушками. Потому что холодно.

Игра, несмотря на снежный покров, велась очень быстрая, резвая, со стремительными передачами и пробежками. Носились, толкались и падали. Валентин Фёдорович, крупный и не очень спортивный, отставал в этой беготне от других, но не покидал поля. Наконец он остался в центре один и, пытаясь отбить летевший в него мяч, начал поворачиваться, но не угадал направления, и мяч пролетел мимо. Я как сейчас вижу его большую фигуру с раскинутыми в широком жесте сожаления руками и с розовой шапочкой на голове. Все смеются, а Валентин Фёдорович – веселее всех.

В 1963-м году мы уехали из Снежинска. В новосибирской жизни продолжались встречи с уральцами. Помню, что, когда мне исполнилось 16 лет (летом 1964-го), Валентин Фёдорович был в Академгородке в командировке. Днём он работал с отцом в вычислительном центре, а вечером пришёл к нам домой. Поздравил меня в своей обычной доброй, искренней и простой манере и вручил подарок – красивую хрустальную вазу. Это было первое в моей жизни роскошное подношение. К нам пришёл и Ю.Е. Бояринцев со скрипкой, мы устроили небольшой концерт. Прекрасный получился вечер. Ваза и сейчас живёт в нашей семье.

Потом из-за моих частных дел – учёба, рождение детей, работа, – я долго не встречалась с уральцами, в том числе и с Куропатенками. Но они часто бывали в Новосибирске, всегда приходили в гости к родителям и интересовались, как живёт моя семья.

В 1984-м году я приехала в Снежинск на открытие мемориальной доски в честь моего отца. Эвелина Степановна и Валентин Фёдорович поселили меня у

себя, опекали и помогали во всём. Они поддерживали меня в сложном деле издания книги о моём отце. Потом опять наступил некоторый перерыв в общении. Но в эпоху перестройки в нём произошёл какой-то качественный сдвиг. Мы стали чаще видеться и перезваниваться по телефону. В итоге Валентин Фёдорович пригласил меня осенью 1995-го года в Снежинск, на Забабахинские чтения. Эта поездка изменила всю мою жизнь, а Куропатенки стали добрыми ангелами происходивших перемен.

С февраля 1996-го я жила уже в Арзамасе-16 (вскоре ему было возвращено старинное имя Саров). Города-побратимы Саров и Снежинск общались в производственном режиме. Поэтому и Эвелина Степановна, и Валентин Фёдорович появлялись в нашем городе регулярно и обязательно встречались с нами, то есть с Юрием Дмитриевичем Богуненко, моим мужем, и мной.

Первым прибыл в командировку Валентин Фёдорович. В тот же день вечером он пришёл в нашу маленькую квартирку на улице Силкина. Стояла поздняя жаркая весна 1996-го, в окна светило яркое солнце, и Валентин Фёдорович тоже был как солнышко – большой, округлый, с сияющей улыбкой и тёплым взглядом серых глаз.

Рисунок этих глаз и бровей отличался какой-то особой точностью и красотой. Его унаследовала дочь Ира, и когда на лестнице мехмата Ленинградского университета мой отец, бывший там в командировке, увидел чудесную девушку с прекрасными глазами, он сразу узнал, кто её родители.

Но вернёмся в Саров, в весну 1996-го. Мы были очень рады видеть Валентина Фёдоровича. Всё сразу пошло так, словно мы были родными людьми. Да, и не со всякой роднёй возможно такое общение. Валентин Фёдорович разговаривал очень доброжелательно и шутил с мягким юмором, деликатно. Мы свободно обсуждали всё, очень быстро они с Юрием Дмитриевичем (практически не будучи знакомы ранее) нашли общий язык в области научных и общественных проблем, и мы не заметили, как наступил вечер. Неторопливо прогулявшись по городу, мы проводили Валентина Фёдоровича в гостиницу и потом долго вспоминали этот вечер как один из самых прекрасных в нашей совместной жизни.

Таких встреч было немало, к нашему счастью. Во второй половине 2000-х Валентин Фёдорович как-то раз приехал в Саров с коллегой. Юрий Дмитриевич встретил их у 21-й площадки на машине, и мы решили показать им новые районы города, который сильно изменился за последние годы. Наши гости были даже удивлены этими переменами, очень доброжелательно их отмечали, пока мы не добрались до коттеджей, построенных в районе ТИЗа («Товарищество индивидуальной застройки»). Там Валентин Фёдорович улыбался не часто, осматривал всё молча, и лишь потом заметил, что такие хоромы заставляют невольно задуматься, на какие деньги они построены. Это

было единственное облачко на наших всегда очень оптимистичных горизонтах общения.

В другой раз Валентин Фёдорович приехал в Саров весной, почему-то днём ему понадобилось съездить в какой-то магазин, и я его сопровождала на такси. На обратном пути он увидел маленький авторынок, который тогда располагался напротив поликлиники, и захотел его осмотреть. Мы были единственными посетителями на этой площадке, заставленной красивыми, супердорогими машинами. Валентин Фёдорович всё неторопливо обошёл и, указывая на здоровенный – навороченный, как говорят, джип, – сказал:

– Чтобы мне такую машину купить, надо «взять» какой-нибудь банк.

И улыбнулся своей светлой улыбкой.

Виделись мы с ним в те времена и в Новосибирске. Я там бывала, навещаю мать, а Валентин Фёдорович, которого очень уважали новосибирские коллеги, тоже нередко приезжал в командировки, и мы тогда обязательно пересекались, так как он непременно приходил к Ирине Константиновне.

Один раз, летом, во время его визита в дом моей матери, мои сыновья, уже совсем взрослые, зашли к бабушке и остались с нами до того момента, когда Валентин Фёдорович должен был распрощаться. Потом они сказали мне, что такого настоящего человека им встречать до сих пор не приходилось. Действительно, было уже новое время, люди или очень изменились, или исчезли из сферы нашего общения, как мой отец – он ушёл из жизни в 1984-м, когда моему старшему сыну было только 13 лет. И мальчики, можно сказать, просто не видели людей таких твёрдых и умных убеждений, такого оптимизма и в то же время так хорошо знающих жизнь. Всё это за час беседы с Валентином Фёдоровичем. И они до сих пор его помнят.

Как-то раз он приезжал в Новосибирск зимой, и его визит был связан с предстоящими выборами в Академию наук. Валентин Фёдорович пришёл поздно, усталый, посидел у нас недолго и казался не таким весёлым, как обычно. Мы знали, какая маета эти академические выборы, переживали за него, мама вслух выражала ему сочувствие. Валентин Фёдорович к концу вечера немножко отошёл, повеселел и ответил маме в своей обычной чуть шуточной манере, что служить своему делу он может и без академических званий, и ещё неизвестно, как они могли бы послужить ему, если их получение стоит таких совсем не научных усилий.

Последний раз я видела Валентина Фёдоровича в Сарове, осенью 2013-го года. Они с Эвелиной Степановной приехали на семинар, посвящённый памяти Л.В. Альтшулера. Семинар был замечательно организован газодинамическим отделением ВНИИЭФ, осень стояла прекрасная, времени у нас было много, и мы его провели на каком-то одном дыхании, и деловом – много успели послушать, посмотреть, обсудить, и возвышенном. И я тоже, как и ту зимнюю полянку на Урале, вижу как сейчас крыльцо гостиницы «Центральная», ночное

осеннее небо с яркими звёздами и Валентина Фёдоровича, большого, надёжного, весёлого, с доброй широкой улыбкой:

– Успехов и не унывать! До новых встреч!

Их уже не было. Но забыть Валентина Фёдоровича невозможно. Из какого-то своего далека он смотрит на нас и говорит:

– Не унывать!

*Наталья Николаевна Богуненко – дочь Н.Н. Яненко
Автор-составитель книг об участниках Атомного проекта*